

НАША СТРАНА

Год издания 72-й. Буэнос Айрес, 18 мая 2020

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 18 de mayo de 2020

No 3126

Трупный яд в ванильной упаковке

К 75-ой годовщине окончания советско-германской войны

«Великая Победа», безбожная советская пасха 9 мая – это единственный идейный стержень, оправдывающий существование неосоветской путинской системы.

Путинская РФ отметила столь ею любимый праздник – 9 мая, «День Победы в Великой Отечественной войне». И можно долго смеяться над многогранной и удивительной придурью, это празднование сопровождается (благо, поводов к этому много), и сетовать на то, что вот, мол, даже в брежневском Совке такого не было, и прочее в этом духе. Однако, если оставить в стороне все приличные и не очень анекдоты, рождённые массовым победобесием, и посмотреть на политический смысл, заложенный в пышном праздновании 9 мая, то придется признать: Путин, с точки зрения его интересов, делает всё правильно. Ибо культ 9 мая работает именно так, как было изначально задумано. И так, как это Путину и путинской элите надо.

Почему, собственно, с этим культом и нужно решительно и беспощадно бороться. Впрочем, не будем забегать вперед, а начнем, традиционно, с краткого погружения в историю вопроса.

9 мая: ноу-хау дорогого Леонида Ильича

Любой политический строй нуждается в легитимации, то есть в том, чтобы объяснить своим гражданам (подданным, негражданам и т.д.), почему именно он имеет законное право на власть. Монархические системы, как правило, апеллируют к божественному праву, республики – к народному волеизъявлению.

На чем же базировалась легитимность советского режима? Как известно, с самого своего основания советское государство заявило о себе как о диктатуре одного класса – пролетариата. Государственной идеологией стал марксизм-ленинизм (а значит, атеизм и материализм). По-простому говоря, народу была предложена следующая схема: нужно вырезать всех аристократов, священников, офицеров, купцов и интеллигентов («эксплуататоров» и «паразитов»).

После этого, под руководством коммунистической партии, должен был наступить земной – и тоже коммунистический – рай. Именно в этом обещанном, причём в самые короткие сроки, земном рае и коренилась легитимность советской системы в глазах симпатизирующих ей социальных слоев. Мол, папу зарезали, маму зарезали, зато завтра все магазины будут бесплатные и трёхчасовой рабочий день.

На протяжении и ленинского, и сталинского времени эта нехитрая, в общем-то, идея обыгрывалась на все лады. Социалистический рай должен был наступить 1) после революции, 2) после победы в гражданской войне, 3) после первой пятилетки, 4) после второй

пятилетки, 6) после окончания индустриализации страны, и т.д., и т.д. Символом этого грядущего «светлого завтра» (а равно – и символом легитимности режима) было 7 ноября, день «Великой Октябрьской социалистической революции».

На протяжении всего сталинского периода упор всегда делался на эту дату. Что же касается советско-германской войны 1941-45 гг., то в сталинские времена её сознательно старались лишней раз не вспоминать. Для этого были разные причины, но главная, по всей видимости, заключалась во вполне естественном страхе Сталина перед собственными маршалами. Ибо кремлёвское тараканье прекрасно понимало, что в условиях тоталитарного режима единственным альтернативным центром власти (по отношению к правящей партии) является Армия. И, конечно, пышные парады на 9 мая и прославление «воинов-победителей» может разжечь политические аппетиты у командного состава, что Сталина никак не устраивало.

Что же до Хрущева, то он старался ориентироваться на «незамутненные» ленинские образцы. В частности, в очередной (и последний) раз назвал точные сроки построения коммунизма (к 1980 году).

Брежнев, вставший у руля после отправленного на пенсию Хрущева, обнаружил одну крайне неприятную

вещь: уровень моральной легитимности режима начал падать. Оно и понятно: маму зарезали, папу зарезали, сами сидим в обносках и нежравши – а коммунизм не только не наступил, но и, если верить партии и правительству, отдалился куда-то уж совсем далеко. И тут уже самый закоренелый шариков начинал нет-нет, да и бросать косые взгляды на эти самые партию и правительство.

Советской системе нужно было срочно найти какую-то дополнительную моральную санкцию, оправдывающую ее существование. И, надо сказать, Брежнев и Ко решили проблему весьма изящно, начав раскручивать 9 мая и всю вообще тематику «Великой Победы». Нацистская Германия преподносилась как абсолютное зло, в сознании советского обывателя Гитлер занял примерно то же место, какое в сознании правоверного католика занимает диавол. Соответственно, если нацистская Германия – это inferno, то СССР, победивший ее – это носитель вселенского добра и источник всякого блага. А компартия – это этакий безбожный и коллективный Георгий Победоносец, сокрушивший чудовищного «фашистского» дракона.

Этот заход широкие народные массы восприняли позитивно.

Советская система, историческое фиаско которой уже явственно намечалась, обрела себе опору среди тогда еще многочисленных и

активных фронтовиков-ветеранов.

Так СССР и дожил до своего формального роспуска, базируя свою легитимность на двух началах, каждое из которых определялось соответствующей датой – 7 ноября и 9 мая.

Последнее прибежище совковых упырей

Ельцинский режим, который официально был как бы демократическим, свою легитимацию пытался черпать обычным для демократов способом – то есть в народном волеизъявлении (в 90-е это формулировалось так: «сами выбрали, так что не жалуйтесь теперь, не жалуйтесь...»). Однако элита и «творческая» интеллигенция остались прежней, советской. И в «нулевые» годы, когда Путин начал постепенно сворачивать гражданские свободы и выстраивать диктаторский режим, ему потребовался какой-то иной источник легитимности.

Почему страной правят те же люди, что и до 1991-го года (или их потомки)? Зачем терпеть коррумпированную и антирусскую систему? Почему в стране, десятки миллионов жителей которой пострадали от большевицких репрессий, идет всеохватывающая ресоветизация? При том, что от коммунизма официально как бы отказались?

Все это нужно было как-то объяснять. И выход был найден: существующий в РФ политический строй легитимен потому, что он – продолжение советского строя. А советские, в свою очередь, были легитимны по той причине, что они победили «самое страшное зло в истории» – фашизм. Стало быть, кому путинская РФ не нравится – тот сам за Гитлера, фашист, слугитель абсолютного зла.

Так 9 мая стало единственным мировоззренческим столпом неолевашевской путинской системы. Почему у русских нет своего национального государства? Потому что у Гитлера тоже было что-то национальное, а значит, это фашизм! Почему нельзя ввести визовый режим со странами Средней Азии? Потому, что с ними вместе Гитлера воевали, и кто за визы и за ограничение миграции – тот фашист! Почему возвращается советская символика? Так ведь под ней фашистов побили, кто не согласен – сам фашист! И т.д. и т.п.

Выработался и шаблонный механизм реабилитации советчины: мол, ветераны просили – а как им, родным, фашизм заборовшим, было отказать? А ветераны (?) просили всё больше и больше: то им памятники Сталину подавай, то шашлычную «Антисоветскую» закрой, то уже и целый Сталинград на карте нарисуй. И вообще, не смейте плохо говорить про Совок, ибо фронтовиков это-де оскорбляет.

В настоящий момент в РФ сформировался уже квази-религиозный

В 1941-1945 гг. миллионы русских попытались использовать немцев для освобождения от коммунизма, сражаясь в рядах таких патриотических формирований, как Русский Корпус на Балканах.

культ 9 мая, а ветераны в нем выполняли функцию этаких друидов – носителей высших знаний и высшей нравственности, и все остальные обязанности были благоговейно внимать всему тому, что они изрекают. (Правда, на роль главных друидов обычно подбирали не простых ветеранов, а специальных, но это отдельная тема.) Именно их «друидским» благословением официально объясняется реставрация советской символики, фактическая реабилитация Сталина и прочие свинцовые мерзости, которые при иных раскладах откалалась бы глотать даже и вполне запутинская публика. Впрочем, подключили и иные мощности: характерно, что в последние годы к раздуванию культа 9 мая вновь активно подтянулась Московская Патриархия (из последних находок – освящение георгиевских ленточек).

«Великая Победа», безбожная советская пасха 9 мая – это единственный идейный стержень, опирающийся существование неосветской путинской системы.

Именно по этой причине в последние годы девятомайский культ приобрел совершенно запредельный размах. И именно по этой причине режим так болезненно реагирует на всякое критическое прикосновение к этой дате. Ибо все, от Путина до последнего постового мента, понимают: 9 мая – это единственное, что их скрепляет и цементирует. Вырви 9 мая – и политическая система РФ потеряет всякую моральную легитимность.

Вот поэтому, собственно, его и необходимо вырвать. Ибо культ 9 мая – это тот крючок, дергая за который, путинский агитпроп затягивает сознание русского человека в inferнальные недра советского маразма. Ведь если ты признаешь, что 9 мая 1945 года победили некие «наши», то, волею неволей, ты признаешь своим и советское государство. Ведь победило именно оно! И, конечно, признаешь, как минимум, некие положительные качества Сталина – ведь он был главнокомандующим армии-победительницы. А раз так, то далее неизбежно придется найти нечто положительное и в советской экономике, основанной на рабском труде лагерников и колхозном крепостничестве. И в деятельности ведомства Лаврентия Берии, которое курировало, в том числе, разработку новых видов оружия. Словом, коготок увяз и т. д. – нормальный русский человек превращается в совкового мутанта.

Культ 9 мая – это трупный яд советчины. Но особенно ужасно то, что дают его в ванильной упаковке.

Дедушка – отдельно, Совок – отдельно!

Девятомайщина – это действительно гениальная пропагандная придумка брежневской эпохи. По той причине, что она смогла лояльность Совку связать с естественными, семейными привязанностями. С образом дедушки – фронтовика, который качал тебя на руках в детстве, водил за ручку из школы, кормил с ложки кашкой и прочее в этом роде. И когда человек слышит, что 9 мая – это не так чтобы очень хорошо, но даже очень нехорошо, у него сразу же вспыхивает в сознании образ такого дедушки (или кого-то еще из близких родственников). И далее идет четкая эмоциональная сцепка: отказать от 9 мая – значит предать дедушку, который качал тебя на руках и т. д. и т. п. Что, в свою очередь, вызыва-

ет естественное отторжение.

Трупный яд 9 мая, который нормальному человеку, в принципе, отвратителен, упаковывается в ванильную обертку, что делает его заглатывание куда более легким, и даже более того – обязательным. Именно эта психоэмоциональная сцепка и является едва ли не главным фактором, обеспечивающим живучесть культа 9 мая.

И, наверное, она могла бы стать непреодолимым препятствием, если бы не была результатом пропагандного шулерства.

Ведь тот факт, что дедушка храбро сражался и стойко терпел военные лишения, совсем не означает, что вследствие этого он стал всеведущим и непогрешимым в вопросах политики, экономики и т.п.

При этом воинская доблесть заслуживает уважения сама по себе, даже если она была проявлена на войне, которую никак нельзя назвать «священной». Словом, уважение к людям, сражавшимся на фронте в годы Второй Мировой войны, в том числе и в рядах РККА, нельзя автоматически проецировать на те знамена, под которыми они воевали, и уж тем более – на политическое руководство, которое эти знамена подняло.

Что это значит на практике? Что к ветеранам советско-германской войны 1941-45 гг. нужно относиться так же, как мы относимся к ветеранам войны в Афганистане. То есть, безусловно, отдавать должное их храбрости и стойкости, но при этом отнюдь не оправдывать саму эту войну, а равно и советских вождей. Ветераны Афганистана – это, прежде всего, жертвы преступной советской системы, которая поставила их мужество и храбрость на службу своим, глубоко чуждым национальным интересам русского народа, целям.

Коротко говоря, уважение и любовь к дедушке – это одно, а отношение к советской системе – совсем другое. Ибо система эта была преступной. И дедушка-фронтовик, пусть даже и искренне верящий, что Сталин был ему отцом родным – тоже жертва советского режима. Жертва тоталитарного коммунистического воспитания, осуществлявшегося в условиях полного отсутствия альтернативной информации (что уже является своего рода насилием), жертва систематической большевизской пропаганды, жертва той атмосферы страха за себя и за своих близких, которая была создана НКВД, и т.д.

И если он этого не осознает – то это тем более печально. И заслуживает снисхождения и сострадания – но никак не подражания. Именно такое отношение и является, на самом деле, естественным. И именно его нам нужно реанимировать – начиная с самих себя и заканчивая всем нашим обществом в целом. В противном случае, каждое новое поколение будет заглатывать девятомайский крючок советчины, скрытый сладкой оболочкой как бы нормальных семейных привязанностей. И далее уже будет покорно следовать за невольными конводами – хоть за Путиным, хоть на планету Нибиру.

С другой стороны, если культ 9 мая будет подорван, то путинская система потерпит сильнейшее поражение на идеологическом фронте. Поражение, которое для неё будет фатальным. Чего, собственно, национальные интересы русского народа и требуют.

Димитрий Саввин

ШТРИХИ ЭМИГРАНТСКОЙ ЖИЗНИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

5

1945-й год. Из Мариенбада нас привезли на американских военных грузовиках в Байройт. Этот город знаменит тем, что Вагнер ставил свои оперы. Там находилось здание театра, но осталась только одна парадная стенка, а всё здание было разрушено. Мы там пробыли недолго, успели посмотреть на развалины Вагнеровского театра. Это единственное что мне запомнилось в этом городе. К счастью перед отправкой из Мариенбада мне принесли очки которые закрывали мои глаза со всех сторон, а у всех других всё лицо и глаза были покрыты густым слоем пыли.

Проездом были и в Ньорнберге, остановка была не на долго. Оттуда в маленький город Кулмбах, всё ещё на грузовиках. А здесь было опять интересно, потому что нас поместили в замок, – это уже второй раз Мама и я жили в замке.

Но хозяев не было. Одну половину замка занимали мы, беженцы, а во второй держали военнопленных венгров. Однако это мы узнали не сразу. Нам предоставлен был огромный длинный зал где прежде танцевали и раздавались звуки музыки. Теперь стояли двухъярусные кровати и со стороны окон стояли столы и скамейки для нас, беженцев. Мы устроились заняв три койки. Рядом с нами – белый генерал Барбович с супругой и дочерью. Мы пользовались одним столом по очереди и по надобности. Дочь генерала, Людмила Ивановна, держала свою двух месячную девочку на руках.

Место где стоял замок было на горке и можно было спуститься в город идя вниз по ней. Но возвращаясь нелегко было идти пешком в довольно крутую горку.

Спитанием было трудно. Надо было как то доставать пищу. В городе можно было кое-что приобрести, и Мама взяла меня с собой. Там она купила 25 килограммов картошки и я помогала ей как могла, подталкивая и приподнимая мешок время от времени на ходу.

С другой стороны замка был хороший густой лес. Там было много грибов, и нашлась одна «бабушка», которая научила меня и ещё нескольких девочек отличать хорошие грибы от ядовитых. Мы начали собирать грибы и с нами иногда ходила и Людмила Ивановна. Там были разные грибы: лисички, подберезовики, подосиновики, опенки и другие, – это всё было питанием.

Однажды я и несколько девочек, моих сверстниц, в сопровождении Людмилы Ивановны, – она была одна взрослая, – как всегда пошли в лес за грибами. Справа был лес, а слева мы увидели под горой чудесные деревья на которых висели огромные яблоки. Мы все девочки, будто сговорившись, побежали к яблокам. Я сорвала штуки три и побежала обратно вверх по горке к дороге, где стояла Людмила Ивановна. Она нас побранила, но мы благополучно добрались до замка.

На следующий день мы опять пошли за грибами и опять, увидев эти яблоки побежали вниз с горы. Людмила Ивановна даже не успела что нибудь сказать. Мы набрали по несколько яблок как услышали сзади лай собак. Мы бросились вверх к дороге, и Людмила Ивановна побежала вместе с нами к

замку по дороге говоря «скорее бегите и переоденьтесь, чтобы вас немцы не узнали». А немцы эти выпустили на нас собак. И пришли жаловаться. Мама была в ужасе, но нас никто не узнал, только больше не пришлось ходить в лес, даже за грибами, кстати там же мы собирали и чернику. Это наверное были призовые яблоки, большие, красивые, сочные и сладкие.

Разделяя с нами пользование столом был некий Анатолий Николаевич. Мы посмеивались над ним потому, что он страдал микрофобией и по несколько раз в день обмывал стол и скамейки. Наверху в замке в отдельной комнате жила еще одна семья. Отец, уже старик, его жена, гораздо моложе его, и двое взрослых детей. Сын работал у американцев, и дочь жила с ними. Мы с ними познакомились на крыше замка где священник, который оказался среди нас, беженцев, служил молебны. Мы пели и эта дама тоже пела. Был еще один священник молодой, его матушка и мальш. Мальчика звали Элладий. Он ходил тщательно изображая будто в руках его кадило и кадил. Мы его прозвало «Оладышком».

Эта дама, напишу только инициалы ее имени В.В., которая жила с семьей в отдельной комнате приготавливала овсяную кашу с салом и подкармливала мою старшую сестру приглашая её покушать с ними. В.В. была необыкновенно добрым человеком. Она рассказывала что в СССР ходили по домам и по квартирам собирая подписи для расстрела совершенно незнакомого людей. И её считали «странной» потому, что она ни разу не подписала смертной казни.

Младенец Людмилы Ивановны много и подолгу плакала и кричала. Наверное у нее были колики и её носила на руках мать, потом брала её генеральша, бабушка младенца. Она устала и тогда моя Мама брала ребёнка, убаюкивала, пела, качала, и он утихал.

В конце августа Людмила Ивановна сказала Маме, что один военнопленный венгерский офицер сказал ей, что у него есть сведения, что американцы собираются обнести проволокой весь замок, и что он советует, пока ещё возможно, скорее отсюда уходить.

Людмила Ивановна сговорила с шофёром, который привозил американцам чистую одежду и белье, заплатила ему, чтобы он вывез из замка группу беженцев.

Он согласился и на следующее утро, в 5 часов утра он нас вывез, 17 человек. И всех высадил на Автобане, перед закрытым рестораном. Мы стояли шеренгой, с пожитками. Ни сесть, ни воды достать, ни пищи. Стояли и ждали. Уже близился полдень и никто ещё ни разу не проехал мимо. Людмила Ивановна пошла к ресторану посмотреть, нет ли кого-нибудь около или внутри, но всё было закрыто и никого кругом не было. Она подошла к маме и сказала: «Молитесь, я не знаю что с нами будет». В нашей группе были Зозулины. Нина Зозулина была одноклассницей моей старшей сестры в Русско-Сербской Женской Гимназии в Белграде. С ней был её престарелый отец, её брат Игорь с женой и родители его жены. И ещё несколько человек, теперь не помню кто именно. И вот мы все

ПРЕДГРОЗОВАЯ ЭПОХА

НА ЛЕКЦИЯХ Н. Д. ТАЛЬБЕРГА - ИЗ ДНЕВНИКА БЫВШЕГО СЕМИНАРИСТА

стали молиться. Каждая семья по своему. Мама читала молитвы, а мы крестились. Время проходило незаметно, и мы все еще стояли и ждали, как послышался звук мотора. Мы стали смотреть на дорогу и увидели, как приближался автобус, но остановится ли он? И когда он подъехал и остановился то это был не один автобус, а целых два! Людмила Ивановна сказала: "не будем разделяться, садимся все в один автобус". Мы не знали куда он едет и куда он нас привезет. Поехали и когда он остановился, то мы оказались в Мюнхене, в Deutsches Museum, где тогда был сербский беженский лагерь. Было уже 5 часов по полудни. Это просто чудесное происшествие!

Администрация сербского лагеря устроила русских беженцев, и нас через некоторое время перевезли в другой беженский лагерь. Но об этом в другой раз.

Графиня Е. Коновницкая

Настанет день

38-летие Мальвинской войны
Н. Л. Казанцеву

Настанет день, когда – не знаю,
В какой благословенный год?
Но выйдет флот из Ушуайи,
Из Комодоро выйдут флот,

И прочертят в зените буден
«Скайхоки» белую струю,
И офицер молиться будет,
Как будто он уже в раю.

И утром, в спальне
полутёмной,
В какой – не знаю снова,
год – Звонок раздастся
телефонный,
И снова молодость придёт.

Настанет день, гремя
трубою,
И осознанье – с этим днём:
Как Царство Божье –
только с бою,
Так, с островами – честь
вернём.

За славу Сан-Мартина, за
павших,
За плач у белого креста –
Всё будет нам по вере нашей,
Так учит Небо неспроста.

Настанет день – и вновь
разрубит
На «до» и «после» наши
дни...
Теперь менендесов не будет.
Теперь – Эстевесы одни.

И всё вернётся: чаек стоны,
Зелёный берег в свете дня...
И, проверяя микрофоны,
Вы вслух помянете меня.

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

12.04.20

Вход Господень в Иерусалим

После французской революции 1789 года правительствам многих стран стало намного сложнее управлять государствами. Люди потеряли чувство сознания приличия, духовных ценностей, различия между добром и злом и своей зависимости от Бога.

Под влиянием пропаганды о «свободе» среди населения быстро развивались требования реформ с предоставлением большего участия народных представителей в правительственных учреждениях, а под руководством появившихся фанатичных политических организаторов пробуждалось среди населения стремление к национальной независимости, появлялись революционные и террористические организации.

Конец 19-го столетия в связи с такими настроениями явился периодом убийства правительственных чиновников и глав государств. Убиты были президент США Линкольн, Император Мексики Максимилиан, Император России Александр II, президент Франции Карно, Шах Персии Насер Эдин и также множество министров и чиновников.

Это было тоже время быстрого развития индустрии, экономики и торговли, что делало более сложным управлять государством и требовало решений специалистов и добросовестных исполнителей государственных дел. Это не было, как шутливо писал А. Пушкин, что царь может управлять государством «лежа на боку».

Если серьезно рассматривать обязанности Государя, то будет очевидно, что у него была масса неотложных, серьезных дел, многие из которых чрезвычайно важны, но на изучение их у Государя было мало времени. Как крестьянин, так и солдат, так и священник и министр ждали от Царя его решения, указания что делать, и как поступать при затруднении.

Царская власть в России дана от Бога, Которому Царь должен будет давать отчет и он не подлежит людскому суду. По этой причине, цари дома Романовых, были все глубоко веровавшие в Бога, и каждый из них сознавал свою ответственность перед Всевышним, Россией и её народом, стремился делать всё необходимое на пользу Православной Церкви, России и её населения. Этим отличался Император России от других глав государств.

В духе обязанностей был воспитан также и вступивший на престол Император Александр III. Нелегко было ему управлять Империей когда в стране было много недоброжелателей. Уже на следующий день после убийства Императора Александра II, на собрании Государственного Совета царю пришлось столкнуться с происходившей борьбой между консерваторами, во главе которых был К. П. Победоносцев, и желавшими продолжения реформ Императора Александра II, во главе с Лорис-Меликовым. Необходимо было обладать большой мудростью, чтобы иметь способность разбираться в сложных делах по управлению государством, при быстро происходивших изменениях в стране.

Десятилетия царствования Императора Александра II были эпохой стремительного развития России во всех областях

техники, науки, экономики и проведения необходимых реформ.

Вскоре после восшествия на престол Царь прекратил систему кантонистов, освободил множество политических заключенных, усилил торговлю с другими державами, улучшил положение евреев и поляков.

Затем последовали реформы: законодательная, воинская и образовательная. 3 марта 1861 года Царь подписал декрет об освобождении крепостных крестьян. Для поднятия уровня образования была применена воинская повинность, которая в России простиралась шесть лет и девять лет в резерве.

Тем кто получил начальное образование защитывалось четыре года активной службы, среднее образование два года и университет – шесть месяцев службы.

Реформы произвели большой социальный эффект в России, но не остановили развивавшийся среди богачей, аристократов и дворян радикализм. Как крестьяне, так и дворяне, не были довольны реформами, считая их недостаточными, а земская реформа ограничила земство. В 1861 году в Твери началось среди дворянства движение за введение в России конституции и участие в управлении государством, а среди студентов – распространение провокационных листовок с призывами к изменению и организации революционных групп.

Министр Внутренних Дел Лорис-Меликов, для ослабления антиправительских выступлений, провёл реформы по цензуре прессы, освобождению многих заключенных и земства. Он также подготовил для Императора план для участия населения страны в управлении государством. Изменения правительством в Синодальном управлении Церкви не происходило, также как и не поднимался вопроса о созыве Церковного Собора. Православная Церковь по прежнему управлялась Обер-Прокурором и чиновниками не в духовном сане. Произошла массовая эмиграция менонитов, духоборов, хлыстов, старообрядцев и других членов религиозных меньшинств, некоторые из которых были до этого уже переселены правительством в Финляндию, на Кавказ и в район города Мелитополя в Малороссии.

В отношении Польши, после подавления революции в 1863 году, она была разделена на губернии и в ней началась в школах русификация, что вызвало массовую эмиграцию польского населения в другие страны, главным образом в Америку.

В отношении Финляндии, то в ней было разрешено собрание диэты и была утверждена конституция, но под влиянием Победоносцева было

введено ограничение при браках православных с лютеранами, и также началась русификация. Как одно, так и другое, вызвало протесты среди лютеранского духовенства.

Многие неразрешённые прежде затруднения перешли к принявшему царский трон Императору Александру III.

Царь согласился с мнением Победоносцева, что необходимо бороться с революционерами. По почину последнего в царствование Александра III была проведена реформа, согласно которой православное духовенство поставлено во главе народного образования. Произошёл большой рост количества храмов, монастырей, духовенство было обеспечено жалованием, с большим запозданием были открыты курсы для миссионеров, дававшие знания как защищать православие в диспутах с инаковерующими.

Во время его царствования Россия не принимала большого участия в европейских и мировых политических делах, довольствуясь существовавшим Тройственным Союзом – трёх императоров: России, Германии и Австро-Венгрии, который обеспечивал мир.

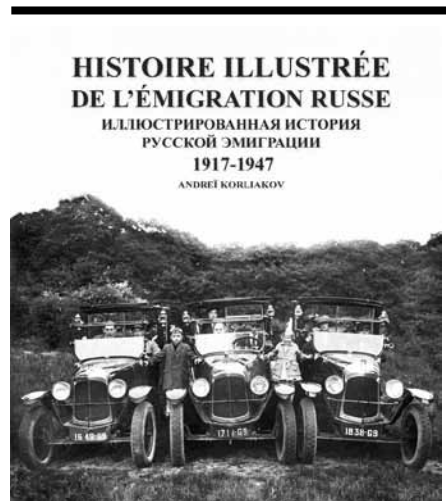
Многие историки называли императора Миротворцем, но не принималось в соображение чем жертвовала Россия, стремясь к миру. Россия не протестовала при занятии Великобританией Египта и государств на юго-востоке Азии. Россия продала Америке Аляску и Алеутские острова, отдала Америке свои владения на Гавайских островах.

После того как Америка заняла почти весь Тихоокеанский берег многие её политические деятели стали смотреть как бы им подчинить своему влиянию посредством торговли все Тихоокеанские государства. После американско-испанской войны (и занятия Филиппинских островов), Америка начала смотреть на Россию уже не дружелюбно, как прежде, но как на соперника и по этой причине изменила к ней своё отношение.

Россия желала мира после Крымской войны и убийства Императора Александра II, но видела как Германия и Япония создавали мощные военные флоты.

Наблюдая это, целый ряд стран Европы и Азии также начали вооружаться. Так как «Союз Трёх Императоров» прекратил существование, Россия заключила союз с республиканской Францией, и в Европе чувствовалось, что война только вопрос времени. В таком положении внутренних и внешних дел, после смерти отца принял власть Царь Николай II.

Г. М. Солдатов

**Электронный
адрес автора
Андрея
Корлякова:
ankor24@gmail.com
Стоимость аль-
бома - 50 евро.
www.emigrationrusse.
com**

Контр-Адмирал К. П. Иванов-Тринадцатый

Воспоминания «РЮРИКЪ»

9

Четвертый выход отряда

Приведя себя в порядок, мы ожидали с нетерпением новой задачи. Во время этой стоянки были получены на отряд подарки от Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, состоящие из ящиков с различного рода консервами, по большей части рыбными. Чтобы не вскрывать ящиков, на которых, кстати сказать, не было пометок о содержимом, решено было разделить их на все крейсера поровну; разделили и спрятали на голодные годы. Я нарочно упомянул об этом незначительном случае, ибо развязка такого дележа была в последствии, о чём я расскажу позже.

В первых числах июля, мы вышли в море и как в первый свой поход направились к Сангарскому проливу. Конечно, план похода, как это всегда и было раньше, знали адмирал и командиры; мы же только строили свои догадки.

Однако, по выходе, когда связь с берегом разрывалась, эта тайна обыкновенно переставала быть уже такой строгой: то старшему офицеру командир кое-что поведал из своих планов, то ревизор своими дипломатическими разговорчиками сумеет „выцапать“ от командира какую-либо интересную для нас новость. На этот же раз нам стало определённо известным, что этот поход не ограничится Японским морем, что теперь мы должны будем выйти в Тихий океан, будто бы для поимки какого-то парохода, везущего из Америки в Японию золотой груз.

Конечно, досужим кают-кампанейским разговорам и планам, возможностей встречи с неприятелем не было конца.

Подойдя к рассвету ко входу в Сангарский пролив, адмирал сигналом требовал быть готовым к полному ходу и хорошо соблюдать кильватер. С рассветом подошли мы к проливу. Не откидывая возможности, что в проливе может быть минное заграждение, пришлось принять меры предосторожности.

В Сангарском проливе существует два направления довольно сильного течения, одно идёт из Тихого океана в Японское море, омывая один берег пролива, другое в обратном направлении по другому берегу.

Посередине пролива образуется значительный сулой встречных течений, с бурлящими небольшими водоворотами, линия сулая ясно обрисовывается пеной и всякого рода плавающими отбросами, щепой и деревом. Эта-то линия и была принята адмиралом за курс, так как было менее всего вероятным, что по линии сулая постановка минного заграждения для неприятеля окажется возможной. Развив 17-ти узловый ход, мы пошли форсировать пролив. Сулой был настолько значительным, что все крейсера шныряли из стороны в сторону и должно быть наш кильватерный строй был отвратителен. Никто нас не ожидал. Хакодате мирно спал при первых лучах восходящего солнца; на берегу «Ниппона» также не замечалось никакого движения

и жизни. Мало тревожимое войной население этих мест ещё не начинало своего трудового дня. Наконец пролив был пройден и наши борта омывались водами Великого или Тихого океана.

Выйдя из пролива мы тотчас же наткнулись на два небольших японских парохода каботажного плавания, совершающих рейсы через пролив. Готовый баркас с «России» шёл к одному из них, стоящему с застопоренной машиной. Через несколько минут от парохода отвалило две шлюпки с посаженной туда командой, а за ними отошёл и баркас; минут через пять раздался взрыв, столб пара высоко поднялся над водой и когда он рассеялся на поверхности не было ничего: подрывной новый пироксилиновый патрон, подложенный под котёл с полными парами в один момент сделал свое дело. «Рюрику» пришлось осмотреть другой подобный же пароход, но на котором полно было пассажиров, исключительно женщин и детей. Картина взрыва предыдущего парохода произвела на них удручающее впечатление и они на колени умоляли нашего офицера, протягивая ему грудных ребят.

Результат осмотра был сообщён адмиралу, который дал ответ отпустить пароход без вреда, что тотчас же и было сделано; когда японки поняли, что им не причиняют никакого вреда, их радости не было предела. Отойдя мористее, мы встретили ещё три больших парусных шхуны; экипаж с документами снимался на крейсера, а шхуны уничтожались пироксилиновыми подрывными патронами. Было жалко смотреть на это варварство, но в то же время эти взрывы представляли и могучую, эффектную картину.

Минеры обыкновенно подвзвизывали одно-фунтовые патроны под основание мачт на верхней палубе, а более крупные патроны закладывались в трюм корпуса судна и всё это с разной длиной бикфордовых шнуров. Когда осмотр шхуны кончился, люди поспешно сходили на баркас и минный офицер лично закинул фитили патронов, баркас отваливал на свой крейсер и через несколько минут начиналось представление: сухой треск с жёлтым огоньком взрывавшегося патрона и громадная мачта, увенчанная распущенными парусами, ломается как соломинка и летит за борт, потом другая, потом третья и наконец сам корпус шхуны разлетается в щепы, оставляя на воде груды плавающих обломков.

Но, видимо, в задачу адмирала не входили такие задержки крейсеров со всякой мелочью и, приняв наш обычный кильватерный строй, мы экономическим ходом пошли на юг вдоль берегов Японии. Всё дальнейшее плавание в водах, так называемого Тихого океана, было для нас далеко на тихим, хоть, правда, погода была хорошая, но от востока шла крупная мёртвая зыбь, а так как мы всё время находились к ней лагом, нас валяло нещадно, боковые взмахи доходили до крупных раз-

меров и заканчивая вахту мы спускались в кают-кампанию совершенно изломанными, как после гимнастики на машинах.

Все суставчики ломило, а мышцы в особенности ног страшно болели от постоянного балансирования при качке, но вскоре все к этому привыкли. На следующее утро, к подъёму флага никого не вызывали, так как обыкновенно на походах поднимали его «без церемонии»; старшие специалисты выходили на шканцы для утреннего рапорта по своим частям командиру, да и большинство остальных офицеров по привычке вылезали на верх вздохнуть свежим воздухом.

Я вышел с некоторым опозданием после восьми часов утра и застал забавную сцену. Наш престарелый шкипер чиновник Анисимов, поседевший как лунь за свои более, чем 50-ти летние скитания по морям в плаваниях на военных судах, взволнованно метался по левым шканцам и весь красный от волнения бормотал беззубым ртом что-то непонятное, но видимо ругательное.

Я подошёл спросить его, в чём дело. Он уже ничего связного говорить был не в состоянии и, только показывая рукой на кормовой флаг, шамкал: «Вы видите! Вы видите!».

Взглянув на гафель бизань-мачты, где обыкновенно на ходу поднимался кормовой флаг, увидел там, развевающимся вместо нашего прекрасного Андреевского флага — английский военный флаг. Адмирал сделал такое распоряжение с целью не вносить паники среди постоянно попадающихся нам на пути японских рыбацких судов, которые, действительно, видя английский флаг, дружелюбно махали нам руками и платками, когда случалось проходить по близости их; так мы и продолжили плавание под английским флагом. Но наш старый шкипер прямо не мог переварить такого, как он выражался, позора; долгое время офицерам пришлось его успокаивать разными доводами, но старик так расхотелся, что на него не было, как говорится, „стопа“, он роптал даже на Бога, давшего ему дожить до того, что видит сейчас его глаза; до обеда он прямо был ненормальным и только за обедом, наш ревизор, любивший старика, придя в чиновничью кают-кампанию „укомплектовал“ его хорошей марсалой, к которой Анисимов был большой охотник и относился совсем не так, как к английскому флагу. Я остановился на этом воспоминании, чтобы показать ту любовь моряков старого времени к англичанам, которым в будущем пришлось сделаться нашими союзниками.

Наконец мы приблизились ко входу в Иокогамский залив и тихо подошли ночью к берегу. При первом рассвете на нас вышел небольшой пароход под японским флагом, везущий в Иокогаму груз тука (переработка перегнивших рыбных остатков), служащего для удобрения рисовых полей. Пароход был отдан в жертву «Рюрику» и адмирал разрешил уничтожить его артиллерийским огнём. Экипаж

и документы были сняты на крейсер и на пароходе осталось только одно живое существо — ручной медвежонок, который инстинктивно предчувствуя свою гибель метался по палубе.

Старший артиллерийский офицер, желая проверить орудийные установки, решил дать возможность выстрелу каждой пушке. Но эта практика для комендоров принесла нам много смеха и веселья. Зыбь не унималась, а стоя с застопоренной машиной наш крейсер имел страшные боковые розмахи, что очень затрудняло стрельбу. Каждый выстрел, которым пуделяли первые комендоры, встречался взрывом хохота офицеров и наблюдавшей свободной командой.

Когда, наконец, эти пробные выстрелы обошли все пушки, а всё не было ни одного попадания, конфуз старшего артиллерийского офицера был доведён до предела, он просил командира подойти ближе к пароходу и сам лично проверил установку 8-ми дюймового орудия, давая указания комендору стал руководить выстрелом, который наконец попал в цель. Котёл парохода взорвало, поднялся к небу столб пара и тука, находящегося в трюмах; ветром дувшим в нашу сторону, всю взорвавшую массу тука, представлявшего полужидкий жирный и страшно вонючий продукт перегнившей рыбы, нанесло на нас и обдало весь крейсер; что мы только не делали потом, чтобы отмыться от этой липко-вонючей гадости — ничего не помогало: поручни трапов, наши перепачканные кителя и всё до чего не прикоснёшься руками, много дней потом воняло рыбой.

Адмирал, наблюдавший со стороны нашу практическую, столь неудачную стрельбу, остался недоволен, выразив своё неудовольствие сигналом, и всё это, конечно, было вымещено на старшем артиллерийском офицере Бартошевиче, которому в наказание за обедом пришлось выставить не одну лишнюю бутылку шампанского.

(Продолжение следует)

БЕЗЗАЩИТНОСТЬ

В теперешней России недостаток медицинских запасов, плохие условия в госпиталях и российские доктора „падают“ из окон госпиталей, когда их обвиняют в неумении защитить людей от коронавируса...

Ужасная напряженность — причём власти не желают чтобы доктора жаловались и обращались бы к публике за поддержку...

От немецкого кайзера денег нет, а те которые имеются уходят на жёсткую пропаганду восхищения советчиной, только чтобы не потерять власть. И ничего не остаётся для борьбы с вирусом.

Жаль бедных докторов, и тех кто умирает от коронавируса. Вот какой там 'рай'.

Галина Алпатова